

АФГАНИСТАН В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

§ 1. Восточнохорасанская культура

Афганистан поры финальной бронзы знаменуется расцветом сложившейся здесь оседло-земледельческой культуры. Как в Бактрии (Дашлинский оазис), так и в Арахосии (Кандагарский оазис) складываются укрепленные поселения, возникает монументальная архитектура типа дворцов и храмов, выделяется металлообрабатывающее и керамическое ремесло. Налицо подъем древней культуры, приведший на юге страны к сложению небольшого городка времени Мундигака-IV. Однако уже в следующий период эта картина резко изменяется. В Южном Афганистане, по Ж. М. Касалоу, наблюдается упадок культуры, когда в пору Мундигака-V жизнь продолжается лишь на холме А, а бывшая высококачественная гончарная керамика сменяется посудой ручной лепки, украшенной расписными орнаментами. Показательно, что вместе с распространением нового типа посуды практически прекращается местная традиция изготовления антропоморфной пластики (в слое Мундигака-V известно всего две статуэтки, одна из которых перемещена из слоя IV) и захоронения умерших в пределах поселения. Необходимо подчеркнуть, что строения периода V сохранились на верху монументального массива, по-видимому, приспособленного под платформу.

Возможно, аналогичная ситуация наблюдается и в соседнем Афганском Сеистане, о чем можно судить по пробным раскопкам поселения Нади-Али. Высота холма, определяемая в 31 м, раскинута на глубину 12,5 м, причем этот слой подразделен на два периода. Верхний слой (Нади-Али-I) относится к ахеменидскому времени, зато от нижележащего (Нади-Али-II) сохранилось массивное здание, возведенное на платформе, относящееся к первой половине I тысячелетия до н. э. Американские раскопки 1968 г. установили, что вся нижняя половина холма представляет собой сплошную платформу (сложенную из сырцового кирпича), отно-

сящуюся ко времени не ранее ахеменидского периода (V в. до н. э.)¹.

Керамический комплекс включает сероглиняную и красноглиняную посуду, а также весьма немногочисленную расписную, как моно-, так и полихромную. Роспись небрежная, преобладают геометрические мотивы (косые ленты, треугольники). Показательны также нерасписные сосуды с нацарапанными знаками-тамгами², аналогичными таким же на раннеахеменидской керамике Северного Афганистана. Точно так же показательны крупные сосуды типа хумов с подкошенной придонной частью³, находящие аналогии в посуде раннеахеменидского времени, так же как миски с горизонтальной ручкой у венчика. Аналогии этой посуде имеются в некрополе Сиалка-«В» (X—IX вв. до н. э.), а также в верхнем слое Тилля-Тепе. Хотя слой Нади-Али-II смешанный (здесь наряду с ахеменидскими имеются и более ранние материалы), все же нельзя не отметить определенную переключку с поздним Мундигаком.

Сходство в первую очередь наблюдается в сложении нового типа памятников, где организующим ядром является монументальное здание — резиденция правителя, вознесенная на верх многометровой кирпичной платформы.

Хотя появление этих новшеств в Мундигаке и Нади-Али относится как будто к разному времени, думается, что они отражают несколько этапов инвазий, но имеющих общую основу, свидетельствуя о широком диапазоне исторических событий, протекавших на крайнем юго-западе Афганистана во II — начале I тысячелетия до н. э. Более того, в настоящее время

¹ Dales G. Early Human Contacts from the Persian Gulf Through Baluchistan and Southern Afghanistan.— In: Food, Fiber and the Arid Lands. Arizona, 1971, p. 158.

² Ghirshman R. Fouilles de Nad-i-Ali dans le Seistan Afghan.— «Revue des Arts Asiatiques», 1939, t. XIII, N 1, pl. IV. О новых результатах см.: Dales G. Prehistoric recherche in Southern Afghan Seistan.— «Afghanistan», 1972, v. XXIV, N 4, p. 14—27.

³ Ghirshman R. Fouilles de Nad-i-Ali..., pl. IV, N 75.

есть основания предполагать, что близкие события наблюдаются в это время и на севере страны, свидетельством чего в первую очередь являются материалы, полученные в ходе раскопок поселения Тилля-Тепе⁴. Этот небольшой холм (площадью около 1 га, высотой около 4 м) расположен в окрестностях г. Шиберган. С целью изучения общей свиты культурных напластований на памятнике было заложено четыре шурфа и раскоп. Шурф 1 прорезал в центре холма почти 5-метровую толщю слоев, но до материка доведен не был; шурф 2 у основания холма прорезал почти 8-метровую свиту наслоений, но также не достиг материка. Шурф 3 выявил остатки, возможно, монументального здания, которое было выстроено на верху высокой кирпичной платформы. Наконец, шурф 4, заложженный на северной окраине памятника, у подошвы холма, прорезал почти 8-метровую толщю слоев и вышел на материк.

Раскоп на верху холма выявил два строительных горизонта. Стены второго (сверху) строительного горизонта сложены из стандартного сырцового кирпича размером 42(40) × 22(20) × 12(10) см и обмазаны глиняной штукатуркой. Полы, как правило, представлены глиняными промазками; лишь в редких случаях отмечены кирпичные вымостки. Раскоп выявил несколько взаимосвязанных помещений от многокомнатного дома, ограниченного с одной стороны глухой стеной, и внутренний двор. От первого (сверху) строительного уровня («верхний слой») сохранились лишь фрагменты стен с материалом, более типичным для ахеменидского времени.

Таковы в общей форме результаты раскопок поселения Тилля-Тепе. Стратиграфические наблюдения по строительным горизонтам, получающие подтверждение со стороны большого керамического материала, позволяют наметить основные этапы в сложении исследуемого памятника. С самого начала для основания поселения был выбран естественный, видимо, аллювиального происхождения холм. В центральной, наиболее возвышенной части холма возводится, судя по кладке кирпича, округлая в плане платформа 6-метровой высоты. На ее верху строится небольшое монументального типа сооружение, остатки которого зафиксированы в ярусах IX—XIII (первый строительный горизонт). На это указывает вскрытая часть обширного помещения, напоминающая планировку дворцового сооружения на цитадели поселения Яз-Тепе в Южном Туркменистане⁵.

Судя по данным шурфа 2 и особенно шурфа 4, практически одновременно складывается и все поселение Тилля-Тепе, причем строения этого времени располагаются на уровне основания платформы и лишь ограниченные размеры шурфов препятствуют точному определению соответствующих строительных горизонтов.

К следующему, второму строительному горизонту относятся помещения, вскрытые на раскопе, которым соответствуют стена, выявленная в останце шурфа 3, и III—VIII ярусы шурфа 1 в центральной части поселения. На северной окраине поселка архитектура второго строительного горизонта выявлена в ярусах IX—XIII шурфа 2 и ярусах X—XIII шурфа 4. Соответствующие различия в абсолютных отметках центральной части Тилля-Тепе сравнительно с окраинной объясняются в первую очередь наличием вышеотмеченной платформы цитадели. Не исключено, что на памятнике имелся еще один строительный горизонт («верхний слой двора»), однако к моменту раскопок соответствующая планировка практически оказалась развеянной процессами естественной дефляции. С другой стороны, материал, соответствующий «верхнему слою двора», отсутствовал в верхних ярусах шурфа 2. Все сказанное дает право предполагать существование двух основных строительных горизонтов на Тилля-Тепе, причем вероятнее всего в центральной части имелся третий, почти не сохранившийся строительный горизонт.

Вся керамика Тилля-Тепе может быть подразделена на две основные группы: лепную и гончарную. Первую и наиболее многочисленную группу составляет посуда ручного изготовления, распадающаяся на три типа: расписную, чернополированную и кухонную. Расписная посуда в основном представлена небольшими полусферическими чашами с плоским дном, округлым корпусом и слегка отогнутым наружу венчиком; в меньшей степени встречаются горшководные сосуды, «салатницы», сосуды с носиками. Глина их имеет большую примесь толченой керамики или мелкорубленых растений. Как правило, черепок слегка пористый, кремоватого, реже (в середине) — черного цвета. Сосуды с обеих сторон покрыты красочной облицовкой светлых тонов, по которой и наносилась роспись.

Орнаменты выполнены коричневой или красноватой (много реже — зеленоватой) краской по внешней поверхности; в единичных случаях отмечена роспись изнутри. Рисунки почти исключительно геометрические, преимущественно нанесены по верхней части сосудов в виде фризов. Основные мотивы: треугольники, квадраты, лесенки, ромбы, заштрихованные в косую сетку, реже — сплошь залитые краской. Отмечены комбинации из основных фигур, образую-

⁴ Сарьяниди В. И. Раскопки Тилля-Тепе в Северном Афганистане. М., 1972.

⁵ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА, 1959, № 73, рис. 24.

щих достаточно сложные фризы. В целом же как орнаменты, так и формы лепной расписной посуды довольно однотипны и на протяжении всей многометровой толщ Тилля-Тепе существенно не отличаются. В этом плане показательны характерные по формам «салатницы», встреченные как в верхних, так и в самых нижних слоях памятника. Среди индивидуальных рисунков можно отметить шестилучевую розетку и возможное изображение дерева или колоса; отмечается наличие расписных орнаментов на единичных гончарных сосудах.

Второй тип лепной посуды составляет характерная чернополированная керамика в виде небольших (реже — средних размеров) сосудов с округлым, слегка расширяющимся книзу туловом и отогнутым наружу венчиком. Глина плотная, с примесью толченой керамики или кварца, внешняя поверхность заполирована до блеска. Хотя имеются ничем не украшенные образцы, большая же их часть опоясана ниже венчика заостренными в разрезе рельефными кольцевыми полосами в несколько рядов. На одном фрагменте имеется частично сохранившийся подковообразный налест, на другом — наоборот, прорезной орнамент; в единичных экземплярах отмечен вдавленный орнамент.

О разнообразии форм можно судить по крупному фрагменту, на котором от венчика отходит широкая ручка с продольным желобком. Судя по отдельным обломкам, ручки имелись и у более мелких сосудов, и в таких случаях они напоминают кружки. Донца, как правило, плоские, но с поверхности поселения происходит и ножка на высоком кольцевом поддоне. К этому же типу относится сероглиняная лощеная керамика в виде открытых мисок, иногда с горизонтальной ручкой по венчику. Судя по всему, чернополированная керамика является импортом, а сероглиняная, в подражание ей, изготавливалась на месте.

Третий тип лепной керамики составляет многочисленная кухонная посуда, часто грубого изготовления, с большой примесью мелкотолченой керамики. Это котлы округлой формы с простыми непрофилированными венчиками. Наряду с вертикально поставленными петельками-ручками встречены налепные подковообразные и простые выступы. В единичных случаях котлы сохранили налепные орнаменты в виде витого жгута, но чаще в виде коротких косых полосок или кольцевого налепного пояса по плечу, от которого вниз спускается вертикальная, налепная же, полоска. Сюда же относятся плоские жаровни с невысоким бортиком и следами копоти внутри, хумы и хумчи, иногда с прочерченным орнаментом, горшки, крышки.

Вторую группу керамики составляют сосуды, изготовленные на гончарном круге. Глина крас-

ного цвета, плотная, без видимых примесей, прекрасного обжига. Хотя гончарная посуда сохранилась преимущественно в обломках, в тех случаях, когда это можно проследить, верхняя треть сосудов покрыта белым ангобом, в то время как нижняя часть неангобирована. Основные формы гончарной керамики — глубокие миски с вертикально поставленными бортиками, горшки с округлым туловом и резко отогнутым венчиком, чаши, хумы и хумчи. В противоположность лепной гончарная керамика обнаруживает некоторые изменения по вертикальной стратиграфии. Так, с самых нижних слоев и вплоть до первого строительного горизонта во всех вскрытых шурфах гончарная посуда имеет преимущественно треугольные в разрезе венчики (реже округлые) и характерный признак — кольцевые процарапанные полосы по плечикам. В вышележащем, втором строительном горизонте наряду с такими же формами появляются единичные фрагменты, плечики которых опоясаны рельефно кольцевыми «воротничками». Но особенное распространение гончарная керамика с «воротничками» получает в «верхнем слое двора», где она становится ведущей. Эти два характерных признака, безусловно, имеют временное значение.

Фактические данные, полученные в ходе раскопок Тилля-Тепе, дают возможность наметить основные периоды в истории существования этого памятника. К наиболее раннему, первому периоду (Тилля-1) относятся культурные наслоения, соответствующие первому строительному горизонту. Керамический комплекс характеризуется совместным существованием лепной, в том числе расписной посуды и гончарной, изредка украшенной процарапанным орнаментом. Ко второму периоду (Тилля-2) относятся соответствующие строения, обозначенные как «второй строительный горизонт». Лепная посуда не обнаруживает каких-либо видимых изменений. Среди гончарной керамики появляются сосуды, украшенные по плечикам рельефными «воротничками». К этим двум типам (генетически продолжающимся из первого периода) добавляется чернополированная посуда, не имеющая местных прототипов.

В предполагаемом третьем периоде (Тилля-3) строительные остатки не зафиксированы. Ему соответствует «верхний слой двора», отмеченный лишь в центральной, наиболее возвышенной части холма. Керамический комплекс обнаруживает большие изменения: резко уменьшается лепная расписная и чернополированная посуда, зато широко распространяется гончарная, украшенная «воротничками». Отмечены цилиндрические банки ахеменидского времени, которые и датируют верхний комплекс серединой I тысячелетия до н. э.

Как уже отмечалось, лепная расписная и гончарная посуда появляется с самых нижних слоев памятника, причем в периодах Тилля-1 и Тилля-2 подсчет по венчикам дает в среднем соотношение 1:2 в пользу лепной керамики. Посуда Тилля-3 слишком немногочисленна для статистического подсчета, однако гончарная керамика уже значительно преобладает над лепной.

Как видно, керамический комплекс Тилля-1 появляется в готовом виде с выработанным репертуаром расписных орнаментов лепной посуды и устойчивыми формами гончарной керамики. Закрывая обзор материальной культуры Тилля-Тепе, следует отметить, что, помимо керамики, здесь встречены каменные пестики и зернотерки, единичные металлические изделия. Обращает на себя внимание почти полное отсутствие изделий прикладного искусства и особенно мелкой терракотовой пластики. Не встречены древние захоронения в пределах поселения, что особенно показательно, если учесть большой объем вынудой земли. В целом же Тилля-Тепе выступает как оседло-земледельческое поселение, что не исключает и скотоводческого направления хозяйства.

Труднее определить хронологические рамки существования памятника. Правда, период Тилля-3 полностью соответствует ахеменидскому комплексу и с достаточной определенностью может быть отнесен к середине I тысячелетия до н. э. Бронзовые двуперые наконечники стрел периода Тилля-2 относятся к архаическому типу и датируются первыми веками I тысячелетия до н. э. Все это дает основание в предварительном порядке отнести время существования Тилля-2 к раннежелезному веку⁶. Соответственно период Тилля-1 падает на эпоху поздней бронзы. Впредь до получения радиоуглеродных дат можно предложить следующие хронологические рамки периодов: Тилля-1 (1000—800); Тилля-2 (800—600); Тилля-3 (600—500).

В Шиберганском оазисе известны еще два пункта со сходной расписной керамикой. Так, фрагмент лепного расписного сосуда встречен на античном памятнике Емши-Тепе, куда он мог попасть с рядом расположенного Тилля-Тепе. Однако другой расписной фрагмент происходит с поверхности средневекового города Имам-Сахиб, расположенного к югу от г. Шибергана, по дороге на Сари-Пуль. Не исключено, что на этом памятнике находится древний культурный слой, позднее перекрытый многометровыми средневековыми наслоениями. В этой связи отметим, что процессы естественной аккумуляции в Шиберганском оазисе протекали столь интенсивно, что, например, культурные

слои Тилля-Тепе оказались погруженными на много метров ниже современного уровня окружающей поверхности. Очевидно, что аналогичную картину можно допустить и для огромных средневековых городов, расположенных сейчас в южной части Шиберганского оазиса и, в частности, по дороге на Сари-Пуль.

Хотя имеющиеся сведения еще весьма отрывочны и недостаточны для окончательного решения вопроса в целом, трудно представить, что Тилля-Тепе являлось единственным древнеземледельческим памятником рассматриваемого района. Это тем более так, если учесть, что река Сари-Пуль, спускаясь с предгорий Гиндукуша, уже с древних времен щедро орошала Шиберганский оазис, создавая благоприятные условия для занятия земледелием. И недаром вплоть до настоящих дней исследуемый оазис является одной из основных житниц Северного Афганистана.

Как бы то ни было, второй пункт со сходным археологическим материалом открыт далеко к западу от Тилля-Тепе. Это Набабадский оазис, расположенный на полпути между Мазари-Шариф и г. Ташкурганом. Здесь выявлено несколько поселений, керамика которых представлена как гончарной, так и лепной, в том числе расписной, посудой. Пока еще трудно судить о конкретном характере сложения Набабадского оазиса, однако в целом полученный материал ближе всего соответствует комплексу позднего Тилля-2 и отчасти Тилля-3.

Сразу же отметим, что древние оазисы близко соответствуют современным ирригационным системам, так что, например, между Мазари-Шарифским оазисом и Набабадским, где нет ни одной речки, на протяжении многих километров тянется пустынная равнина без каких-либо археологических памятников.

Набабадский оазис состоит из двух последовательно хронологических групп памятников. Меньшая включает поселения, на поверхности которых имеется расписная керамика, относящаяся к доахеменидскому времени; большую часть оазиса составляют памятники ахеменидского времени.

Первая и наиболее ранняя группа включает четыре поселения, из которых центральным является Набабад-1. Его размеры 450×300 м при высоте около 3 м. На поверхности имеется как гончарная, так и лепная расписная посуда, точно соответствующая комплексу типа позднего Тилля-Тепе. Много встречено каменных зернотерок ладьевидной формы, крупных ступок, пестиков. Выделяются каменные ядра биконической формы. Наряду с единичными бронзовыми и железными изделиями в большом количестве встречены кремневые орудия в виде крупных пластин, нередко ретуширо-

⁶ Уголь из X яруса шурфа 3 дал дату 860±60 до н. э.

ванных. Об их местном производстве свидетельствуют нуклеусы, найденные на поверхности Набабад-1.

Следующее поселение Набабад-2 состоит из двух холмов общей площадью 200×100 м, высотой в 1,2 и 2,4 м, соединенных пониженной седловиной. Памятник вытянут по оси восток — запад. На поверхности среди основной массы гончарной керамики встречены единичные лепные фрагменты и два обломка со следами росписи; много каменных зернотерок, пестиков, ступок. Достаточно полно представлены кремневые отщепы и орудия в виде крупных пластин, иногда с ретушью.

Поселение Набабад-3 представляет собой небольшой бугор общей высотой около 1,5 м. Наряду с гончарной керамикой имеется лепная, в том числе расписная. Выделяется обломок сосуда, изготовленного на текстильном шаблоне. На поверхности холма много кремневых отщепов и орудий типа крупных пластин; выделяются каменные зернотерки, пестики, ступки; найден кусочек лазурита.

Поселение Набабад-4. Это вытянутый холм размером 50×30 м, высотой не превышающий 1 м. Поверхностный материал — типичный для вышеописанных памятников. Много кремневых орудий, среди керамики преобладает гончарная посуда, лишь единичные фрагменты сохранили роспись. Отмечено развешенное погребение, причем костяк имел скорченную позу. Выделяется находка керамического амулета-печатки, на котором имеется рисунок, близко напоминающий аналогичный на печатке с Нади-Али⁷.

Набабадская группа памятников, судя по наличию расписной керамики, относится к тому же культурному кругу, что и поселение типа Тилля-Тепе в Шиберганском оазисе. Вместе с тем, судя по небольшой толще культурного слоя, да и самому характеру материала, набабадские поселения относятся к позднему этапу существования расписной культуры Афганистана. Не исключено, что набабадская группа памятников отражает процесс дальнейшего расселения племен — носителей культуры расписной керамики — в восточном направлении. В таком случае один из возможных центров предполагаемого расселения мог находиться в районе Шибергана, косвенное свидетельство чему дает многометровая толща культурных напластований Тилля-Тепе.

К юго-востоку от вышеотмеченных памятников Набабад-1, 2, 3, 4 располагаются 12 поселений, на поверхности которых преобладает керамика ахеменидского времени, где широко представлены сосуды средних и более мелких

форм, характерным признаком которых являются подкошенные придонные части. Кроме того, почти на всех этих поселениях имеются ножки от ваз, близко напоминающие аналогии эпохи поздней бронзы Дашлинского оазиса, а также в небольшом количестве — кремневые орудия и отщепы, бронзовые трехперые наконечники стрел. Все эти памятники представляют собой неукрепленные поселения в виде небольших всхолмлений, вокруг которых на многие десятки, а то и сотни метров идут россыпи керамики на такыре. Исключение составляет памятник Набабад-8 (Тепе-Суфи) — небольшая, прямоугольной формы крепость (100×80 м) с крутыми оборонительными стенами высотой около 5 м.

Но, бесспорно, столичным памятником всего этого оазиса ахеменидского времени является Набабад-16 (Бура-Тепе), представляющий собой укрепленное поселение размером 105×90 м, оборонительные стены которого возвышаются на 4,5 м и усилены башнями. Внутри стен имеется возвышение, по-видимому цитадель; вокруг укрепления на расстоянии до 300 м идут россыпи керамики, причем к северу от крепости сохранилось небольшое возвышение размером 130×70 м при высоте 1,5 м. Очевидно, что россыпи керамики фиксируют общую обжитую площадь, культурный слой которой практически полностью развешен. В таком случае Бура-Тепе выступает как небольшой периферийный городок, неукрепленный пригород которого во много раз превышал его центральную, укрепленную часть.

В целом вырисовывается следующая картина истории существования Набабадского оазиса. Первые колонисты, появившиеся здесь во второй четверти I тысячелетия до н. э., основывают несколько поселений типа Набабад-1, 2, 3, 4. Позднее, примерно в VI—V вв. до н. э., происходит перемещение оазиса в юго-восточном направлении и вместе с тем его наиболее интенсивное обживание. Не исключено, что оба этих процесса были связаны, во-первых, с миграцией русла древней реки Набабад в юго-восточном направлении и возможным притоком нового населения из более северных пунктов типа Акчинского оазиса.

Очевидно, что культура расписной керамики простирается от Шиберганского оазиса (Тилля-Тепе) до Набабадского. Есть основания предполагать, что именно в таком направлении и шло расселение племен, носителей расписной керамики рубежа II—I тысячелетий до н. э. Отметим также наличие единичных расписных черепков на кумлийских поселениях Фарукабадского оазиса.

Как видно, территория распространения исследуемой культуры достаточно обширна,

⁷ Ghirshman R. Fouilles de Nad-i-Ali..., pl. IV.

однако в Северном Афганистане до сих пор не отмечены более ранние памятники, могущие осветить вопрос о ее генезисе. Если обратиться к синхронным памятникам юга страны, то некоторые черты сходства обнаруживает расписная керамика Мундигак-V и особенно Мундигак-VI⁸, а также Нади-Али.

Хотя материалы Тилля-Тепе в системе Северного Афганистана выглядят несколько изолированно, они обнаруживают вполне четкие аналогии в памятниках южных областей Средней Азии. Это особенно касается Туркменистана, где соответствующие материалы были выделены как комплекс Анау-IV⁹, позднее прослеженные на многих других памятниках подгорной полосы Копет-Дага (Элькен-Тепе, Улуг-Тепе и др.), а также в древней дельте р. Мургаб (Яз-Тепе, Аравали-Тепе). В результате широких раскопок установлено, что в эпоху раннего железа здесь распространяется новая культура с характерной лепной расписной керамикой (Элькен-II, Яз-Тепе-I), причем на сточильных памятниках возводятся высокие кирпичные платформы, на верху которых располагаются монументальные сооружения¹⁰. В последние годы близкие материалы открыты и в Южном Узбекистане (Кучук-Тепе, Миршаде)¹¹.

Если теперь сравнить североафганские материалы с вышеотмеченными памятниками из Средней Азии, то налицо чрезвычайная близость, проявляющаяся в сходных формах гончарной посуды и особенно в мотивах росписей лепной керамики¹². В последнем случае сходство прослеживается в фактуре черепков, цветовой гамме орнаментов, а также в приемах орнаментации кухонных котлов и формах сероглиняной посуды. Намечающиеся параллели, доходящие в ряде случаев до тождества, дополняются сходными типами поселений с кирпичными платформами-цитаделями и монументальными сооружениями. В свете имеющихся фактов есть все основания предполагать прямую генетическую связь между ними.

⁸ *Массон В. М., Ромодин В. А.* История Афганистана, т. I. М., 1964, с. 43; *Masson V., Sarianidi V.* Afghanistan in the Ancient East.— «Afghanistan», 1969, v. XXII, N 2, p. 18.

⁹ *Schmidt E.* Archaeological Excavations in Anau and Old Merv.— In: *Exploration in Turkestan*, v. I. Washington, 1908.

¹⁰ *Марущенко А. А.* Элькен-Тепе.— ТИИАЭ, 1959, т. V; *Массон В. М.* Древневземледельческая культура...

¹¹ *Пугаченкова Г. А.* Новый памятник древнебактрийской культуры.— В кн.: *Успехи среднеазиатской археологии*. Л., 1972, с. 47—49; *Альбаум Л. И.* Поселение Кучук-Тепе в Узбекистане.— *Материалы археолого-этнографической сессии 1964 г. Баку*, 1965, с. 59—60.

¹² *Сарианиди В. И.* Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Северном Афганистане.— КСИА, вып. 132, 1972.

Казалось бы, установленный факт вполне очевидной близости двух конкретных археологических комплексов дает реальные основания к решению вопроса о их происхождении. Однако, подобно комплексу Тилля-Тепе, комплекс типа Яз-I не находит достаточно убедительного происхождения в пределах Средней Азии. Уже Е. Шмидт, основываясь на том факте, что лепная расписная посуда Анау-IV как бы прерывает местную линию развития гончарной посуды эпохи поздней бронзы, выдвинул гипотезу об общем упадке местной культуры в связи с вторжением из среднеазиатских степей варварских кочевых племен (эпоха варварской оккупации — ЭВО). Это предположение было поддержано А. А. Марущенко, усматривавшего пору глубокого регресса, связанную с приходом варварских скотоводческих племен¹³, а также С. П. Толстовым и М. А. Итиной, предполагавших сложение исследуемого комплекса под решающим влиянием культур срубно-андроновского типа¹⁴.

В более осторожной форме о влиянии резной орнаментации посуды степных племен на сложение части расписных узоров керамики Яз-I писал В. М. Массон¹⁵, но оговаривал, что по основным культурным и хозяйственным достижениям время Яз-I — это период дальнейшего развития местной культуры¹⁶. Наконец, генезис комплекса ЭВО предполагают либо в более южных областях, либо в северных районах Средней Азии (вплоть до Восточного Туркестана)¹⁷.

В свете нового археологического материала из Северного Афганистана имеется возможность выдвинуть иное предположение о формировании «культуры ЭВО»¹⁸. В пользу подобного допущения может свидетельствовать разная толща культурных наслоений (даже без учета высот цитаделей). На Тилля-Тепе она свыше 8 м, в то время как в Южном Туркменистане соответствующие слои не превышают 3 м, в дельте р. Мургаб — около 2 м, а в низовьях — не более 0,5 м (р-н Тахирбая)¹⁹. Кстати отметим, что даже в пределах Туркменистана разница соответствующих слоев указывает на динамику освоения плодородных оазисов, идущего из подгорной полосы в сторо-

¹³ *Марущенко А. А.* Элькен-Тепе, с. 70—72.

¹⁴ *Толстов С. П., Игина М. А.* Проблема суярганской культуры.— СА, 1960, № 1, с. 31—35.

¹⁵ *Массон В. М.* Древневземледельческая культура..., с. 313.

¹⁶ *Средняя Азия в эпоху камня и бронзы*. М.—Л., 1966, с. 189.

¹⁷ *Кузьмина Е. Е.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии.— ВДИ, 1972, № 1, с. 138.

¹⁸ *Сарианиди В. И.* Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-Тепе.— АО, 1970 г. М., 1971, с. 434.

¹⁹ *Материалы автора полевого сезона 1972 г.*

ну Мургабского оазиса. На это же указывает сам археологический материал: на предгорных поселениях (Элькен-Тепе, Улуг-Тепе и др.) репертуар орнаментальных мотивов много разнообразнее и богаче сравнительно с Мургабским оазисом. Словом, имеются достаточно веские основания предполагать, что освоение плодородных оазисов началось с северных предгорий Копет-Дага, где пришлые племена частично осваивали старые поселения (Анау, Элькен-Тепе, Улуг-Тепе) и наряду с этим основывали новые поселки (Яссы-Тепе)²⁰. Несколько позднее, видимо из-за нехватки пригодных для земледелия земель, осваивается дельта р. Мургаб.

Возвращаясь к вопросу о взаимоотношении соответствующих североафганских и южно-туркменистанских комплексов, есть основание синхронизировать комплекс типа Яз-1 с комплексом Тилля-2. Как отмечалось выше, период Тилля-2 фиксируется появлением чернополированной и сероглиняной посуды характерных форм и техники выделки (налепные валики, спускающиеся вниз «усики»), а также орнаментацией гончарной керамики «воротничками». И именно такая посуда широко представлена в керамическом комплексе начиная с самых низов на Яз-Тепе²¹ и, что особенно важно, с Элькен-Тепе²², где соответствующий материал подстилается слоями эпохи бронзы.

Приведенные наблюдения фиксируют хронологический приоритет североафганских комплексов сравнительно с южнотуркменистанскими, что еще не обязательно свидетельствует о прямом переселении, хотя такое допущение и не исключается. В настоящее время представляется наиболее обоснованной гипотеза о сложении рассматриваемых комплексов под влиянием, идущим из одного общего центра, скорее всего из (или через) Иранского Хорасана. В этом отношении показателен материал с поселений, расположенных между городами Кучан и Ширван, в Атрекской долине. Даже беглое ознакомление с ними выявило наличие здесь по крайней мере двух керамических групп: гончарной, характерного красноглиняного черепка, среди которой имеются цилиндрикоконические банки «ахеменидского» типа, и лепной, в том числе расписной.

Особый интерес представляет последняя группа: глина красная, в середине почти черного обжига, с примесью керамической крошки; снаружи и изнутри сохранилась роспись темно-бурого цвета. К сожалению, раскопки кучанских памятников не производились, и в

настоящее время трудно судить о толще культурных слоев с расписной посудой, однако сам факт их наличия имеет для нашей темы первостепенное значение. Очевидно, что исследуемая культура охватывала и районы Северо-Восточного Ирана, во всяком случае, вплоть до Кучанского оазиса. Иранский аспект косвенно документируется и вышеотмеченной чернополированной посудой периода Тилля-2. В настоящее время наиболее близкие соответствия она обнаруживает на территории древнего Ирана (Хурвин — Чавдар), хотя и здесь происходит с поверхностных сборов²³.

Как видно, почти неизученная в археологическом отношении область Северо-Восточного Ирана²⁴ таит в себе древние памятники, материальная культура которых до определенной степени перекликается с соответствующими североафганскими и среднеазиатскими комплексами эпохи поздней бронзы и раннего железа. В свете сказанного закономерно поставить вопрос: не находятся ли истоки этих комплексов где-то в малоисследованных районах Восточного Ирана? Такому предположению не хватает еще многих доказательств, однако на современном уровне наших знаний приведенные наблюдения дают право предполагать, что соответствующие среднеазиатские и афганские комплексы являются двумя ответвлениями одного общего корня, находившегося в Иранском Хорасане, а, возможно, еще далее на запад.

Представляется, что где-то во второй половине II тысячелетия до н. э. племена с расписной керамикой передвигаются в восточном направлении и, минуя непригодные для земледелия гористые районы, оседают в плодородных оазисах типа Шибеганского. Позднее происходит освоение новых районов, пригодных для ведения земледельческого хозяйства. В пределах Северного Афганистана это Набабадский и, возможно, Фарукабадский оазисы; на территории Узбекистана — памятники типа Кучук-Тепе и Миршаде.

Вторая волна, идущая из предполагаемого восточноиранского центра, связана с освоением предгорий Копет-Дага в Южном Туркменистане и относится к рубежу II—I тысячелетий до н. э. (комплекс ЭВО). Раскопки на Улуг-Тепе показали, что лепные расписные фрагменты в единичных образцах появляются здесь еще в слое эпохи поздней бронзы²⁵, что, возможно, указывает на постепенное освоение северных

²⁰ Гутляев Г. Г. Раскопки поселения раннежелезного века. — АО 1971 г. М., 1972, с. 532—533.

²¹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура..., табл. XXI—XXIX.

²² Марущенко А. А. Элькен-Тепе, табл. XVII.

²³ Young T. C. A Comparative Ceramic Chronology for Western Iran, 1500—500 B. C. — «Iran», 1965, v. III, fig. 9, N 3 и особенно № 2.

²⁴ Поселения с расписной керамикой типа Тилля-Тепе обнаружены в 1976 г. итальянской экспедицией в Иранском Хорасане.

²⁵ Сариниди В. И. Исследование..., с. 433.

предгорий Копет-Дага пришедшим населением. Несколько позднее происходит заселение древней дельты р. Мургаб.

Если предположенная историческая интерпретация археологического материала верна, то следует полностью отказаться от старой гипотезы, связывающей генезис культуры расписной керамики типа Анау-IV с прямым влиянием степных скотоводческих племен. В таком случае неприемлем и сам термин «эпоха варварской оккупации», до сих пор бытующий в литературе. Учитывая историко-географический ареал, динамику распространения и близкое культурное родство, представляется более целесообразным обозначить все исследуемые комплексы как принадлежащие единой восточнорасанской культуре с ее локальными вариантами. Область ее распространения захватывает Восточный Иран, Северный Афганистан и южные области Средней Азии. Время существования падает на последние века II — первые века I тысячелетия до н. э.

Характерные черты восточнорасанской культуры документируются следующими признаками. Экономическую основу общества составляет орошаемое земледелие и, вероятно, скотоводство; охота играет подсобную роль. Существуют два типа памятников: центральные поселения имеют цитадели, мелкие «сельского» типа — без цитаделей. На ранних этапах преимущественно распространены медно-бронзовые изделия, постепенно замещаемые железными. Керамическое производство характеризуется широким бытованием лепной, в том числе расписной посуды, в меньшей степени распространена гончарная. Изготовление лепной расписной керамики не является показателем низкого уровня технологии керамического производства, а является этнографическим признаком носителей рассматриваемой культуры. Менее ясны идеологические представления. Отсутствие антропоморфной пластики и практики погребения умерших в пределах поселков²⁶, скорее всего, является отражением древних верований. В этом отношении восточнорасанская культура резко отличается от многих известных культур Древнего Востока.

Период распространения и существования восточнорасанской культуры в Афганистане знаменует пору дальнейшего прогресса в истории существования местных племен. Яркое доказательство тому — усложнение общественного строя, отражением чего являются специально возводимые цитадели с монументальными сооружениями.

Это — резиденции местных правителей, все более обособляющихся от рядовой массы общинников. Одним словом, восточнорасанская культура знаменует дальнейшее развитие местного общества, стоящего уже на пороге раннеклассовых образований. Все сказанное относится к периодам Яз-I, Элькен-II и Тилля-1—2. Последующие периоды, например Яз-II—III, Элькен-III и Тилля-3, связаны с иными культурно-историческими процессами и в настоящей работе не рассматриваются.

Преимущественные аналогии восточнорасанского археологического комплекса с соответствующими среднеазиатскими не должны заслонять от нас и отмеченные параллели с Мундигаком и Нади-Али. Уже Ж. Касаль предлагал связывать упадническую культуру Мундигака-V, относящуюся ко II тысячелетию до н. э., с чустской культурой Ферганы²⁷, что в общей форме было поддержано советскими исследователями²⁸, однако до сих пор нет никаких данных, которые бы подтвердили гипотезу о вторжении чустских племен в Кандагарский оазис. Наоборот, имеющиеся данные скорее указывают на продвижение всех отмеченных комплексов расписной культуры далее в восточном направлении.

Если учесть вышеотмеченные сходные признаки восточнорасанской культуры и Мундигака-V—VII — Нади-Али-II, проявляющиеся в близких типах поселений с «цитаделями» на платформе, а также широкое распространение лепной расписной посуды, полное отсутствие антропоморфной пластики, как и практики захоронения умерших в пределах поселения, то станет очевидным и определенное сходство в общем облике этих конкретных комплексов. Следует отметить, что в целом керамика Тилля-Тепе больше соответствует материалу Мундигака-VI—VII, чем Мундигака-V, где в росписи керамики еще живо ощущаются местные традиции. Это особенно явно прослеживается на примере типично белуджистанских рисунков животных, но выполненных уже предельно схематизированно²⁹. Много больше взаимных параллелей обнаруживает посуда Мундигака-VI—VII и Тилля-Тепе, что документируется не только близкими мотивами орнаментов³⁰, но, что важнее, сходными

²⁶ Существование скорченных захоронений в пределах поселков (Кузьмина Е. Е. К вопросу..., с. 138) пока не подтверждается фактическими данными.

²⁷ Casal J. M. Fouilles de Mundigak.—MDAFA, 1961, t. XVII, v. I, p. 104, 119.

²⁸ Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.—Л., 1964, с. 296.

²⁹ Cardin B. de. Excavations at Bampur. A Third Millennium Settlement in Persian Baluchistan, 1966. New York, 1970, fig. 28, N 269; fig. 29, N 300; fig. 43, N 479.

³⁰ Casal J. M. Fouilles de Mundigak, fig. 118, N 622; fig. 119, N 623; fig. 122, N 653—655.

формами самих сосудов, в том числе нерасписных³¹. В этом плане показательны сосуды с характерным подтреугольным разрезом венчика и нацарапанным волнистым орнаментом, точная аналогия которым имеется среди гончарной посуды Тилля-Тепе и Гирдай-Тепе³². Не менее выразительны «воротники» на керамике как Южного, так и Северного Афганистана³³, что в совокупности исключает элемент случайного совпадения.

Вышеприведенные сопоставления синхронизируют между собой керамические комплексы Мундигак-VI—VII и Тилля-Тепе, что может указывать на их общий источник происхождения. В таком случае не исключено, что «внезапное» появление расписной культуры сначала на юге (Мундигак-V), а несколько позднее — на севере (комплекс Тилля-Тепе) Афганистана отражает несколько волн передвижения в целом родственных племен из одного общего очага. Предполагаемые инвазии постулируются еще лишь в самой общей форме, но бесспорно, что не миновали они и южных областей Средней Азии.

Если продолжить линию сопоставлений, то, с одной стороны следует отметить преимущественное сходство чустской культуры Ферганы с комплексом типа Анау-IV—Яз-1 в Южном Туркменистане³⁴, а с другой — вышеотмеченную связь Мундигака и Чуста. Более того, Ю. А. Заднепровским высказано мнение о сходстве расписной керамики чустской культуры с расписной же посудой ряда памятников Центральной Индии (например, Навдатоли, Неваса, Наздик, Джорве)³⁵, которое было поддержано позднее С. Антонини³⁶. На основании приведенных сопоставлений выдвинута гипотеза о взаимной связи всех этих археологических комплексов в результате расселения индоевропейских племен³⁷.

Фергана составляет наиболее северный пункт распространения культур расписной керамики конца II—начала I тысячелетия до н. э.³⁸, но и сюда доходили достижения пере-

довых центров Древнего Востока, свидетельством чего является импорт в виде замечательного Хакского клада³⁹ и не менее великолепное каменное изваяние змей из кишлака Сох⁴⁰. Независимо от окончательного решения проблемы в целом очевидно, что в эпоху поздней бронзы и раннего железа на территории Афганистана и южных областей Средней Азии наблюдается приход нового населения со сходными палеоэтнографическими признаками и общностью происхождения. Судя по косвенным данным, можно предполагать, что Иранский Хорасан если и не был исходным пунктом, то являлся промежуточной территорией, откуда шло дальнейшее расселение в восточном направлении. Применительно к Афганистану отмечаются два пути племенных передвижений — северный и южный, которые разделяет естественный барьер в виде хребтов Сафедкох и Сиахкох.

На севере Афганистана соответствующие следы пока в виде лишь отдельных островков фиксируются на Бактрийской равнине, а на юге — от Афганского Сеистана вплоть до Кандагарского оазиса.

Заключительный этап в существовании восточнорасанской культуры, помимо материалов типа позднего Тилля-Тепе и набабадских памятников, документируется соответствующими памятниками Фарукабадского оазиса. Как отмечалось выше, первые поселения здесь возникают еще в эпоху финальной бронзы (памятники типа Фарукабад-1, 2), а запустение оазиса падает на ахеменидское время, когда здесь складываются в большом количестве новые поселения с центральным, столичным городом Алтын-Дилар. Однако между этими двумя категориями памятников имеются поселения промежуточной стадии типа Кумли-1, 2, 3 и др., материальная культура которых отражает сочетание двух традиций: бактрийско-маргианской и восточнохорасанской. Последнее обстоятельство документируется находкой лепной, в том числе расписной, керамики на этих памятниках.

Кроме того, на поселении Кумли-1 выявлена кирпичная платформа. Не исключено, что на вершине этой платформы (своеобразной цитадели) находилась резиденция местного правителя, в то время как само поселение располагалось у подножия, напоминая до определенной

берг Б. И. Новая культура раннего железного века в левобережном Хорезме.— АО 1971 г. М., 1972, с. 530—531.

³⁹ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура..., с. 52—55.

⁴⁰ Воронец М. Э. Каменное изображение змей из кишлака Сох Ферганской обл.— КСИИМК, 1956, вып. 61, с. 48—55.

³¹ Там же, рис. 119, № 630—633.

³² Там же, рис. 120, № 640; Саруаниди В. И. Раскопки Тилля-Тепе..., рис. 24, 5—7 и др.

³³ Casal J. M. Fouilles de Mundigak, fig. 121, N 643; Саруаниди В. И. Раскопки Тилля-Тепе..., рис. 15, 4—6.

³⁴ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, 1962, № 118, с. 66—67; Кузьмина Е. Е. К вопросу..., с. 136.

³⁵ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура..., с. 102—106.

³⁶ Antonini S. Swat and Central Asia.— «East and West», 1969, v. 19, N 1—2, p. 104.

³⁷ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура..., с. 106.

³⁸ Возможно, еще более северную периферию фиксируют памятники куйсайской культуры. (См.: Вайн-

степени структуру такого памятника, как Тилля-Тепе.

Особого интереса заслуживает керамика из шурфов Кумли-1. В первом ярусе встречается как гончарная, так и лепная расписная посуда. Гончарная керамика решительно преобладает над лепной и представлена сосудами цилиндрических форм, венчики которых сильно уплощены, снаружи нередко процарапаны концентрические линии. Имеются глубокие чаши и единичные обломки ножек от ваз; вся гончарная посуда покрыта снаружи светлым, почти белым ангобом. Встречены также единичные фрагменты лепной посуды в виде глубоких полусферических чаш, в глине которых большая примесь керамической крошки; как правило, с обеих сторон нанесен ангоб светлых тонов. На одном таком фрагменте частично сохранился рисунок треугольника, выполненный красной краской.

Во втором ярусе шурфа также представлены обе группы керамики: гончарная и лепная. Среди гончарной выделяются фрагменты, украшенные нацарапанным волнистым орнаментом, а также треугольниками, заштрихованными внутри горизонтальными линиями. Выделяется верхняя часть кубка, покрытая с обеих сторон красной краской. Лепная расписная посуда опять-таки представлена единичными фрагментами⁴¹. В третьем ярусе шурфа встречается лишь гончарная посуда, по существу того же типа, что и в вышележащих ярусах.

При всей ограниченности имеющегося материала следует отметить его исключительную значимость для выделения доахеменидского (кумлийского) керамического комплекса Бактрии. Поскольку гончарная посуда имеет здесь глубоко местные корни, то очевидно, что появление лепной расписной керамики отражает путь расселения племен восточнорасанской культуры далее на северо-восток.

Все это дает основание выделить кумлийский период как занимающий промежуточное место между эпохой бронзы и ахеменидским временем. Хотя в материальной культуре этого комплекса как бы сочетаются две различные культурные традиции, решительно преобладают местные «дашлинские», восходящие еще к эпохе бронзы. Время существования кумлийского периода ориентировочно падает на VII—VI вв. до н. э., так что заполняется то недостающее звено (соответствующее раннежелезному веку), которое соединяет эпоху поздней бронзы и ахеменидский период, демонстрируя единую линию развития в истории Бактрии начала I тысячелетия до н. э.

⁴¹ Следует отметить находку двух расписных сосудов на близлежащем памятнике Кутлуг-Тепе.

В свете имеющихся данных можно предположить, что раннежелезный век в коренных землях Бактрии знаменуется широким распространением поселений с цитаделями, которые находят свое окончательное оформление в типах памятников ахеменидского периода. С другой стороны, при смешении двух керамических традиций лепная, в том числе расписная, посуда практически полностью исчезает и замещается гончарной, что в совокупности и характеризует кумлийскую стадию в истории существования местных племен.

Полученный кумлийский керамический комплекс приобретает принципиальное значение в плане установления происхождения керамического комплекса второй половины I тысячелетия до н. э. Дело в том, что в это время в традиционно земледельческих оазисах юга Средней Азии и Бактрии распространяется в целом однотипная керамика ахеменидского периода, происхождение которой связывали то с возрождением утраченных традиций культуры Намазга-VI⁴², то с ростом технических возможностей вследствие хозяйственно-экономического развития местных племен⁴³. В последние годы было высказано предположение о происхождении ахеменидского керамического комплекса от бактрийского варианта культуры Намазга-VI, что в целом ближе всего соответствует имеющимся данным⁴⁴.

В самом деле, фактические материалы Бактрии и особенно кумлийской стадии демонстрируют преемственную эволюционную линию развития керамики от эпохи поздней бронзы вплоть до ахеменидского времени. Не останавливаясь здесь на всей проблеме взаимоотношений этих двух конкретных комплексов (восточнорасанского и бактрийско-маргианского), отметим, что и в Бактрии, и в южных областях Средней Азии с начала и до конца они сосуществуют. Постепенно смешиваясь и адаптируясь, восточнорасанская культура все более утрачивает свои былые палеоэтнографические признаки, и в результате складывается тот комплекс материальной культуры, который застаем на этой территории в ахеменидский период.

§ 2. Монументальная архитектура ахеменидской Бактрии

Несмотря на чрезвычайно большое количество памятников середины I тысячелетия до н. э. на территории Афганистана, материальная культура этого периода изучена еще весьма

⁴² Марущенко А. А. Елькен-Тепе, с. 68—69.

⁴³ Массон В. М. Древневземледельческая культура..., с. 39.

⁴⁴ Кузьмина Е. Е. К вопросу..., с. 146.

слабо. Если не считать раскопок Мундигака и Нади-Али, то, по существу, еще ни одно поселение этого времени не раскопано в должной степени, так что и структура, и планировка их до сих пор остаются неизвестными.

Правда, в последние годы в Бактрии были открыты и раскопаны памятники монументальной архитектуры, имевшие не бытовое, а особое назначение. Это первые свидетельства, указывающие на наличие монументальной архитектуры, что в сочетании с вышеописанными архитектурными комплексами эпохи бронзы на Дашлы-3 дает право судить о тысячелетней традиции монументального зодчества Бактрии.

Одним из таких памятников является Кутлуг-Тепе, расположенный в Фарукабадском оазисе и представляющий собой сильно вытянутое почти на километр поселение, частично занесенное надувным песком. Поверхностный материал представлен керамикой ахеменидского времени, причем россыпи керамики на севере и востоке почти смыкаются со шлейфами поселений Фарукабад-1 и 2. На восточной окраине поселения наряду с гончарной керамикой встречается лепная, причем один лепной сосуд сохранил расписной геометрический орнамент в виде фриза из треугольников, характерный для керамического комплекса восточнохорасанской культуры. На южной окраине поселения возвышается холм с примерными размерами 40×40 м, при высоте около 4 м. Раскопки выявили небольшое, но оригинальное по плану и особое по назначению монументальное сооружение.

В древности на этом месте располагалось небольшое естественное возвышение, состоявшее из такыровидного суглинка и тонких глинистых прослоек желтоватого цвета. На этом естественном всхолмлении и было возведено основное здание, сохранившее по поверхности форму круга. В результате раскопок отмечено два строительных периода в истории существования всего комплекса, причем во второй период внутрь здания были встроены обычные жилые помещения. Думается, что последние обитатели были рядовыми общинниками, приспособившими заброшенную бытовую монументальную постройку под обычные жилые и хозяйственные помещения. Следствием интенсивного обживания второго периода являются многочисленные хозяйственные ямы, прорезавшие основные полы и впаденные в материк. Кроме того, внутренняя планировка претерпела большие изменения, так что, по-видимому, отдельные стены вообще не сохранились к моменту раскопок.

К первому, или основному, периоду относятся кольцевые стены, образующие две галереи «А» и «Б» с необычно толстыми стенами и

заклоченную внутри них круглую площадь с длинными стенами. Внешняя из них, галерея «А», имеет стены, сложенные из пахсовых блоков со средними размерами 90×60×45 см и 90×28×45 см.

На высоте около 150 см от пола галерей глинобитные блоки поставлены по горизонтали на расстоянии 20—25 см друг от друга и перекрыты сверху рядами кирпичей, поставленных на ребро. В результате этого строительного приема образована серия сквозных отверстий со средними размерами 50×25 см, являющихся специальными световыми амбразурами⁴⁵. Последние устроены в обеих стенах галереи напротив друг друга так, что свет снаружи попадал сначала в галерею «А», а затем проникал через световые люки и освещал галерею «Б». Судя по косвенным данным, галереи, по-видимому, имели сводчатое перекрытие, так что внутри они освещались лишь через вышеупомянутые амбразурь.

В западной части галерей устроено три пилона, видимо, выполнявших роль контрфорсов для укрепления этого участка стены. Галерея внутри не застроена и, скорее всего, являлась обводным коридором с проходом в северной части. Именно здесь располагаются в обеих галереях друг против друга проходы, причем, возможно, имелся проход и во внешней стене, однако плохая сохранность самой стены в этом месте препятствует точному определению.

Из галереи «А» в галерею «Б» можно было попасть лишь через своеобразный вестибюль, который ведет и в центральную часть всего сооружения. Судя по стратиграфии слоев, в основной период галерея «Б» также была не застроена и лишь во второй период внутри ее возводятся поперечные стены, образующие анфиладу помещений, расположенных по кругу.

Из вестибюля, повернув в западную сторону через специальный дверной проем, частично сохранивший арочное перекрытие, можно было попасть в помещение, на полу которого к моменту раскопок находились вкопанные в пол хумы, но относящиеся к последующему, второму периоду обживания. Дверной проем из этого помещения ведет в смежное с центральным столбом и световыми амбразурами. Все остальные помещения галереи «Б», судя по стратиграфии, также были построены позднее.

Обе галереи как бы заключают внутри себя круглый в плане двор, явно имевший цент-

⁴⁵ Ср. аналогичные амбразурь на Годи-Тепе. См.: Levin L. The Iran Age Revealed.— «Expedition», 1971, v. 13, N 3—4, p. 42.

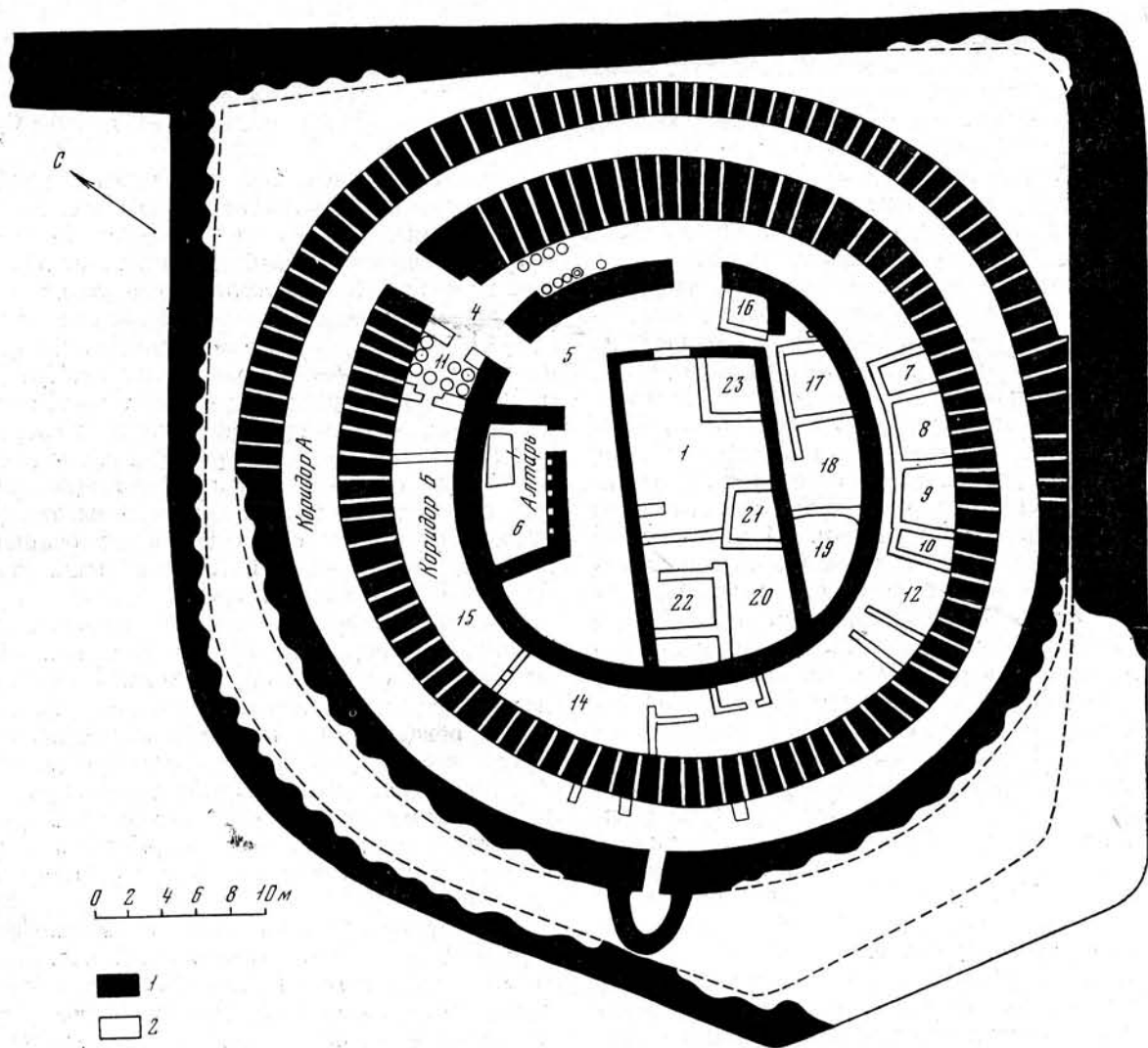

Рис. 55. Кутлуг-Тепе. Общий план раскопок

ральное значение в системе всего комплекса. В середине его сохранилось длинное прямоугольное сооружение, внутренняя часть которого позднее оказалась перегороденной дополнительными стенками, образовавшими серию небольших комнатшек. Стенки их сложены весьма небрежно, а основания покоятся на уже образовавшихся мусорных наслоениях. Вследствие этого сейчас трудно судить, были ли внутри этого огромного прямоугольного помещения какие-либо другие сооружения: если и были, то они оказались полностью уничтоженными в последний, второй период обживания.

В северной части располагается помещение 6, пол которого местами сохранил белую обмазку и остатки прямоугольного «алтаря»; в южной стене этого помещения устроено пять нишек.

Круглое сооружение по внешнему фасу было заключено в многогранник мощных стен с единственным въездом в северном углу, а между ними располагался глубокий и широкий ров.

Раскопки Кутлуг-Тепе дали рядовой материал и в первую очередь большое количество керамики, представленной такими ведущими формами, как банки с подкошенным дном, хумы и особенно хумчи с уплощенными в разрезе венчиками; глина плотная, без примесей, красного цвета, обжиг ровный, ангоб белый, как правило, нанесен снаружи, до перегиба к дну. Среди керамических изделий выделяются крупные сосуды типа воронок со сквозным отверстием на дне, назначение которых неясно.

Кроме керамики обнаружены и каменные изделия, среди которых выделяется «блюдо» на ножках, выточенное из черного диорита; найдены обломки от других диоритовых сосу-

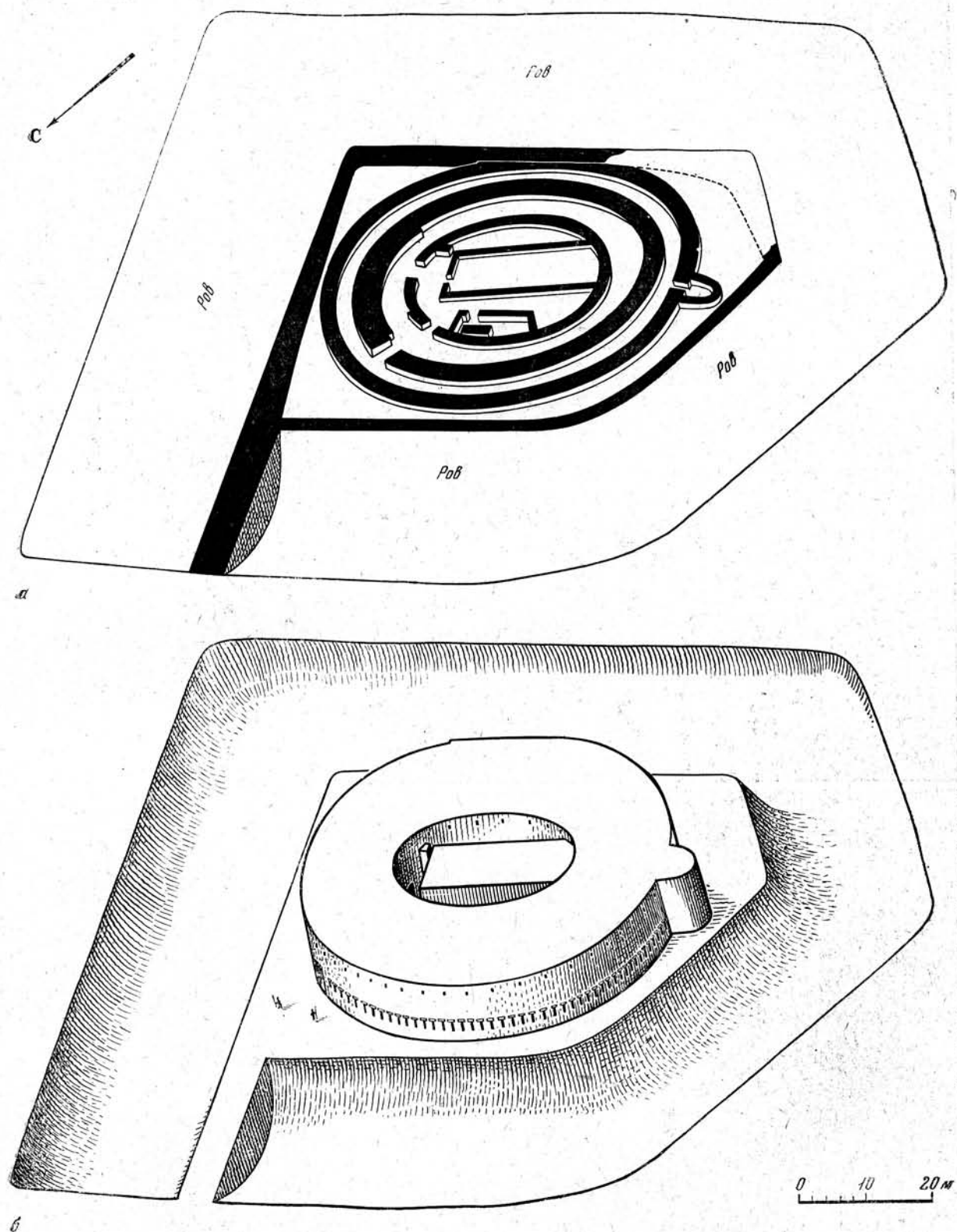

Рис. 56. Кутлуг-Тепе. Аксонометрия (а) и реконструкция (б)

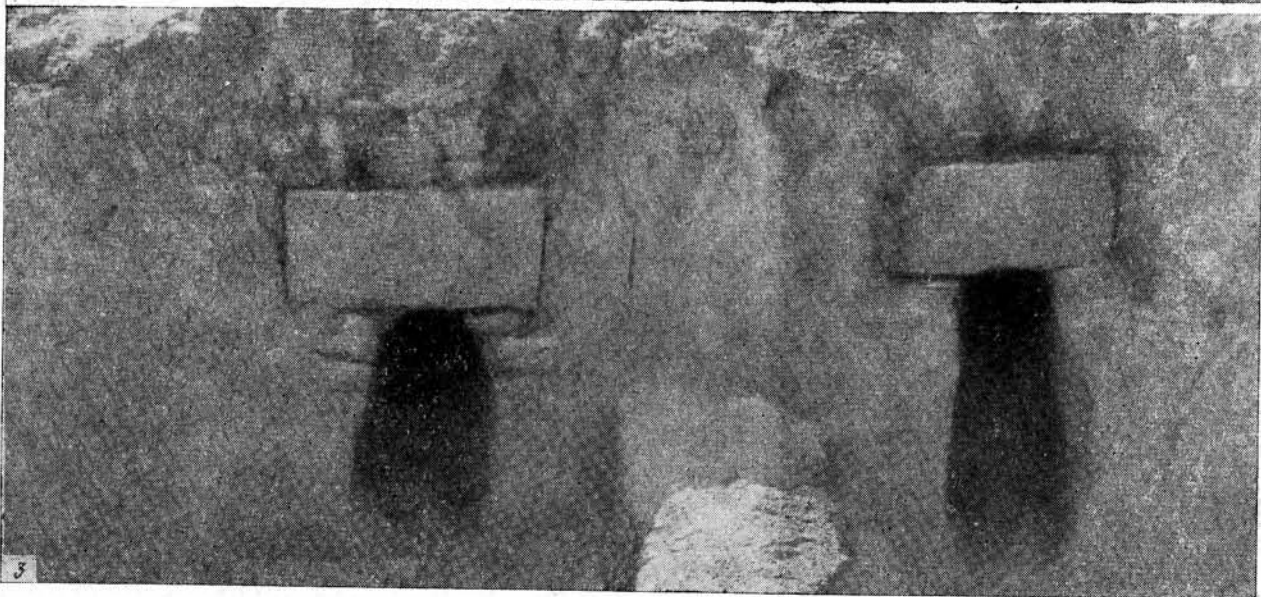
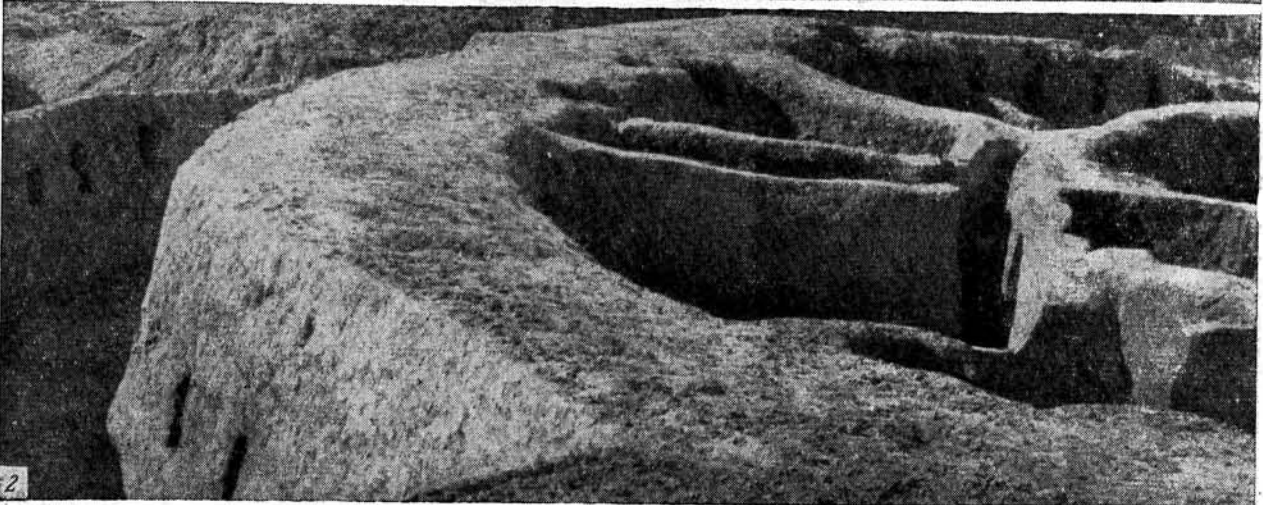
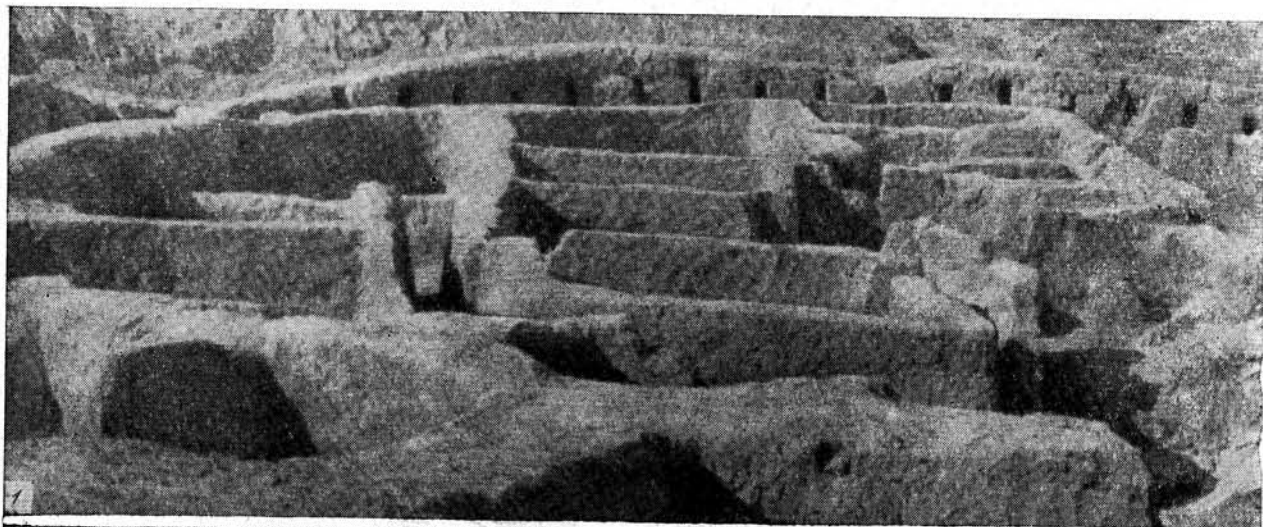

Рис. 57. Кутлуг-Тепе. Общий вид (1), обводная галерея (2), световые амбразуры (3)

Рис. 58. Кутлуг-Тепе. Керамика

дов, точильный камень с отверстием для шнура, две небольшие прямоугольные плитки, поверхность которых слегка вогнута и несет следы красной краски, а также бронзовые наконечники стрел. Все они двухперые, лавролистной, ромбической и треугольной форм, черешковые и втульчатые. Как видно, почти все находки (исключая, возможно, диоритовый столик) представляют собой обычный материал, характерный для рядовых обитателей и относящийся ко второму периоду.

Нетрудно заметить, что общий план Кутлуг-Тепе в своей основе достаточно близко перекликается с планом круглого храма с Дашлы-3. На это в первую очередь указывает сам планировочный принцип кольцевых коридоров, заключающих внутри себя прямоугольные помещения, в том числе особого назначения. Характерна и такая деталь: основные входы в обоих сооружениях устроены по северному фасаду, что, видимо, не случайно. Вместе с тем сооружение на Кутлуг-Тепе сравнительно с Дашлы-3 отличается большей простотой, здесь нет (или не сохранилось) никаких декоративных украшений интерьеров, которые бы выделили наиболее значимые помещения. Вместе с тем Кутлуг-Тепе явно продолжает архитектурные традиции, заложенные еще в эпоху бронзы, примером чего является Дашлы-3, который демонстрирует генетическую линию развития бактрийской монументальной архитектуры.

Близкую планировку демонстрируют памятники Ат-Чапар-1 и 2 в Дашлинском оазисе, также относящиеся к ахеменидскому времени. С другой стороны, уже отмечалось общее сходство памятников типа круглого храма и Кой-Крылган-Кала в Хорезме⁴⁶.

Планировка Кутлуг-Тепе и Ат-Чапар обнаруживает сходство с обоими этими памятниками и заполняет существовавший ранее хронологический разрыв. Не исключено, что дальнейшие археологические открытия на смежной территории позволят конкретизировать это наблюдение на новом фактическом материале.

В связи с открытием Кутлуг-Тепе возникает еще один аспект исследования, связанный с вхождением Бактрии в ахеменидское государство. До самого последнего времени ряд ученых придерживается того мнения, что при Дарии I и Ксерксе в ахеменидской державе был распространен исключительно зороастризм, а все местные культы были запрещены. Однако М. А. Дандамаев убедительно доказал, что наряду с поклонением Ахура-Мазде иранское население чтит и более древние, глубоко местные божества. Ахеменидские цари терпимо относились к религиям покоренных народов⁴⁷, что как будто находит свое подтверждение и на бактрийском материале, где прослеживается устойчивая традиция существования местного культа, материальным отражением чего является сходная планировка круглых зданий от Дашлы-3 до Кутлуг-Тепе и Ат-Чапар. Правда, мы не знаем с точностью, какие формы религиозных верований были распространены в Бактрии на протяжении всего этого многовекового периода; судя по устойчивому сохранению культа огня, эти верования могли быть близки той официальной религии, которая была распространена в ахеменидской державе в середине I тысячелетия до н. э.

Следующий монументальный комплекс. Алтын-10, находится в Дашлинском оазисе и состоит из нескольких самостоятельных объектов, расположенных на окраине полуразвезянного поселения эпохи поздней бронзы. Один из них (объект 1) представляет собой прямоугольное здание размером 80×55 м, строго вытянутое по оси восток — запад. По всем четырем углам располагается по одному квадратному помещению с опорным столбом в центре; внешние углы помещений оформлены широкими пилястрами. Все здание делится по середине серией вытянутых в цепочку помещений, образующих вместе два обширных двора, офор-

⁴⁶ Кругликова И. Т., Саррианиди В. И. Древняя Бактрия в свете новых раскопок..., с. 157.

⁴⁷ Дандамаев М. А. Новые данные о религии в Персии на рубеже VI—V тысячелетий до н. э.—ВДИ, 1973, № 2, с. 28—31.

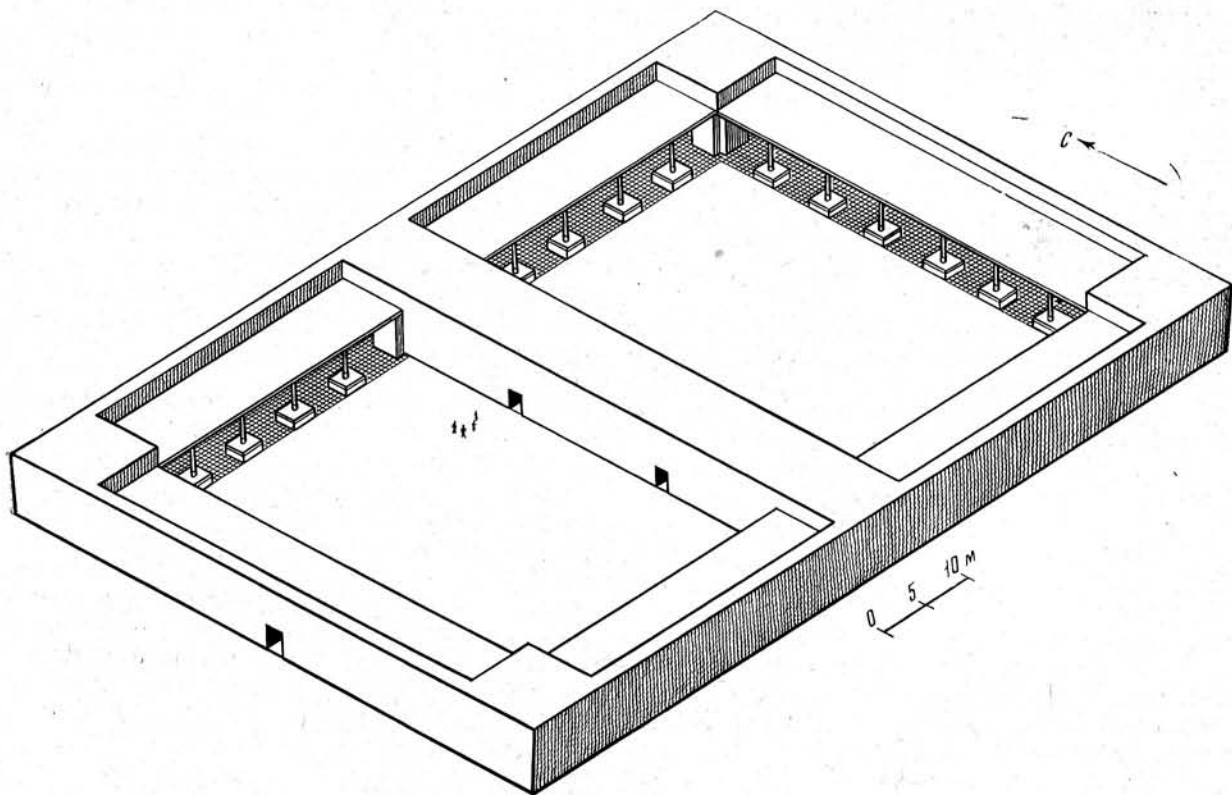
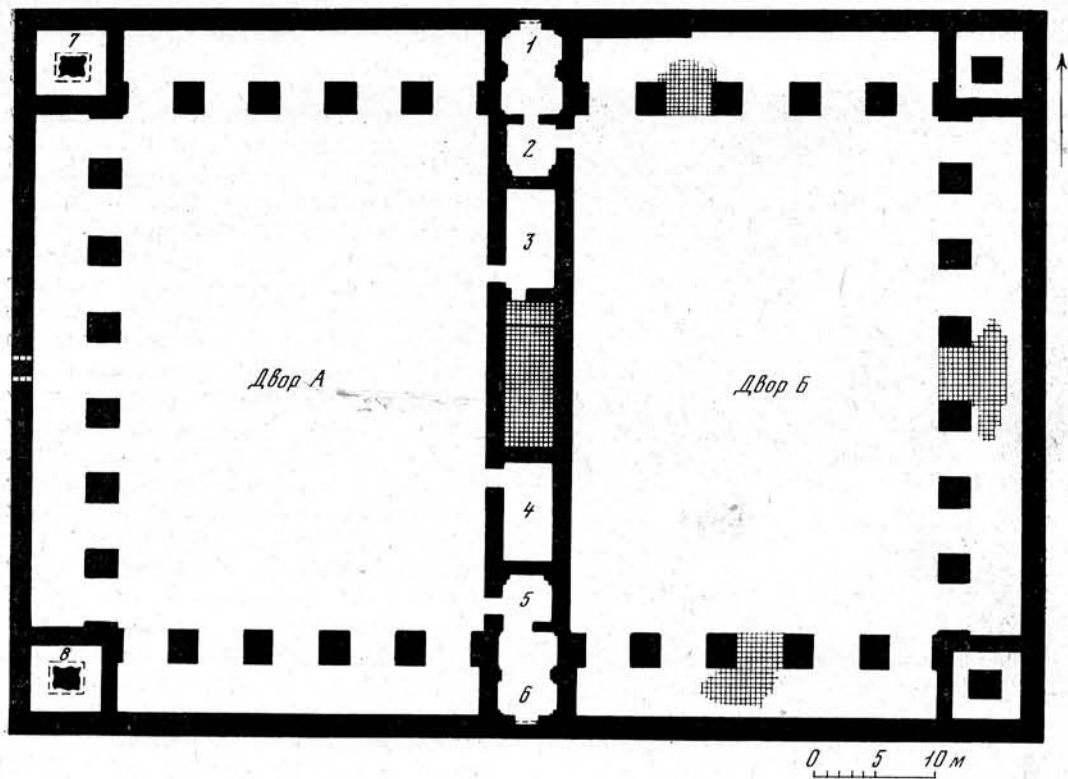

Рис. 59. Алтын-10. Объект I. Общий план раскопок (а), реконструкция (б)

мленных с трех сторон кирпичными колоннами, так что вдоль стен внутри каждого двора имеется по 14 колонн, образующих своеобразный колоннадный портик или айван. Представляется наиболее вероятным предположение о том, что колонны поддерживали деревянную кровлю, которая таким образом охватывала крытым айваном оба двора со всех трех сторон. Полы между колоннами местами сохранили вымостку из регулярной кладки кирпича; центральные части дворов имеют полы в виде глиняных промазок с большой примесью самана.

Вышеупомянутая анфилада помещений (разделяющая между собой два двора) состоит из центральной, прямоугольной формы платформы, на которую ведет лесенка, по обе стороны от которой располагаются еще по два вытянутых помещения. Особый интерес имеют два крайних помещения, с точностью копирующие друг друга. Это прямоугольно вытянутые комнаты, разделенные внутри стеночкой так, что образуется небольшой своеобразный вестибюль с двумя проходами, ведущими в большее помещение.

Если оба вестибюля ничем не украшены внутри, то интерьеры смежных с ними помещений имеют ниши, углы которых декорированы фигурными выступами.

Центральное место между обеими парами комнат занимает прямоугольное помещение, аккуратно заложённое внутри регулярной кладкой кирпича. Стены внутри сохранили штукатурку, так что сама кирпичная закладка четко отделяется от плоскости стен. В северной части располагается небольшое помещение с широким проходом, ведущим в восточный двор. В свою очередь, в северной части расчищено три ступени от лестницы, ведущей на верх кирпичной закладки. Поскольку общий план здания отличается поразительная симметрия, можно предполагать, что аналогичное помещение со ступеньками находилось и в южной части, однако расчистка кирпичной закладки этого участка подобной лесенки здесь не обнаружила. Не исключено, что кирпичная закладка являлась своего рода платформой — возвышением, которое доминировало над всем зданием в целом. В таком случае на вершине высокой кирпичной платформы могло находиться тронное место в виде кирпичного сиденья, как это установлено для синхронного здания на Годин-Тепе в Иране⁴⁸.

Показательно также, что два помещения, располагающиеся к северу от тронного места, проходами сообщаются с обоими дворами, в то

время как пара комнат к югу соединяется лишь с западным двором, что, возможно, связано с последующими перестройками всего комплекса.

Остается добавить, что внешние стены раскопанного здания имеют толщину 1,5 м, а сами помещения — 1 м. Основные стены сложены из квадратного кирпича размером 35×35×10 см; в редких случаях встречен кирпич размером 42×42×12 см, возможно, имеющий вторичное использование. Характерной особенностью вскрытого здания являются следы воздействия сильного огня, отмеченные внутри многих помещений и особенно вдоль портика-айвана, что свидетельствует о пожаре⁴⁹. Вместе с тем на стенах отдельных комнат сохранились краснообожженные пятна (но без следов копоти), скорее всего происходящие от раскаленных углей переносных жаровен.

Касаясь вопроса о возможной гибели всего здания от пожара, нужно отметить, что следы сильного воздействия огня имеются почти на всех колоннах, исключая плоскости, обращенные внутрь дворов. Очевидно, что мощный горелый слой вдоль стен двора образовался в результате обрушившейся из-за пожара кровли.

Что касается назначения раскопанного здания, то, видимо, это был дворец летнего типа. На это указывает минимальное количество помещений в сочетании с обширными открытыми дворами, оформленными по трем сторонам крытыми айванами. Не исключено, что вышеупомянутая кирпичная платформа с лестницей, ведущей на ее верх, служила своеобразным тронным возвышением для церемониальных приемов. Исходя из имеющихся наблюдений, представляется наиболее вероятным относить существование памятника к ахеменидскому времени.

Следующий, полностью раскопанный объект II располагается рядом с вышеописанным и представляет собой небольшой холм, круто понижающийся с востока на запад. В результате западная часть сооружения сохранилась всего на высоту 1—1,5 ряда кирпича, так что вопрос о возможных проходах бывших помещений этой части здания остается открытым.

Раскопки выявили здесь квадратное здание размером 36×36 м. По четырем углам его располагаются обширные помещения, из которых комнаты 8 и 30 прямоугольной конфигурации, с двумя опорными столбами внутри, поддерживавшими кровлю. Два других угловых помещения (15 и 23) почти квадратные, но

⁴⁸ Уголь из помещения 1, по определению Г. Н. Лисицкой, происходит от тополя, можжевельника, ивы, ясеня, вяза, тамариска, указывающих на наличие постоянных водотоков.

⁴⁸ Young T. C., Weiss H. The Godin Project: Godin-Tepe.— «Iran», 1974, v. XII, p. 210.

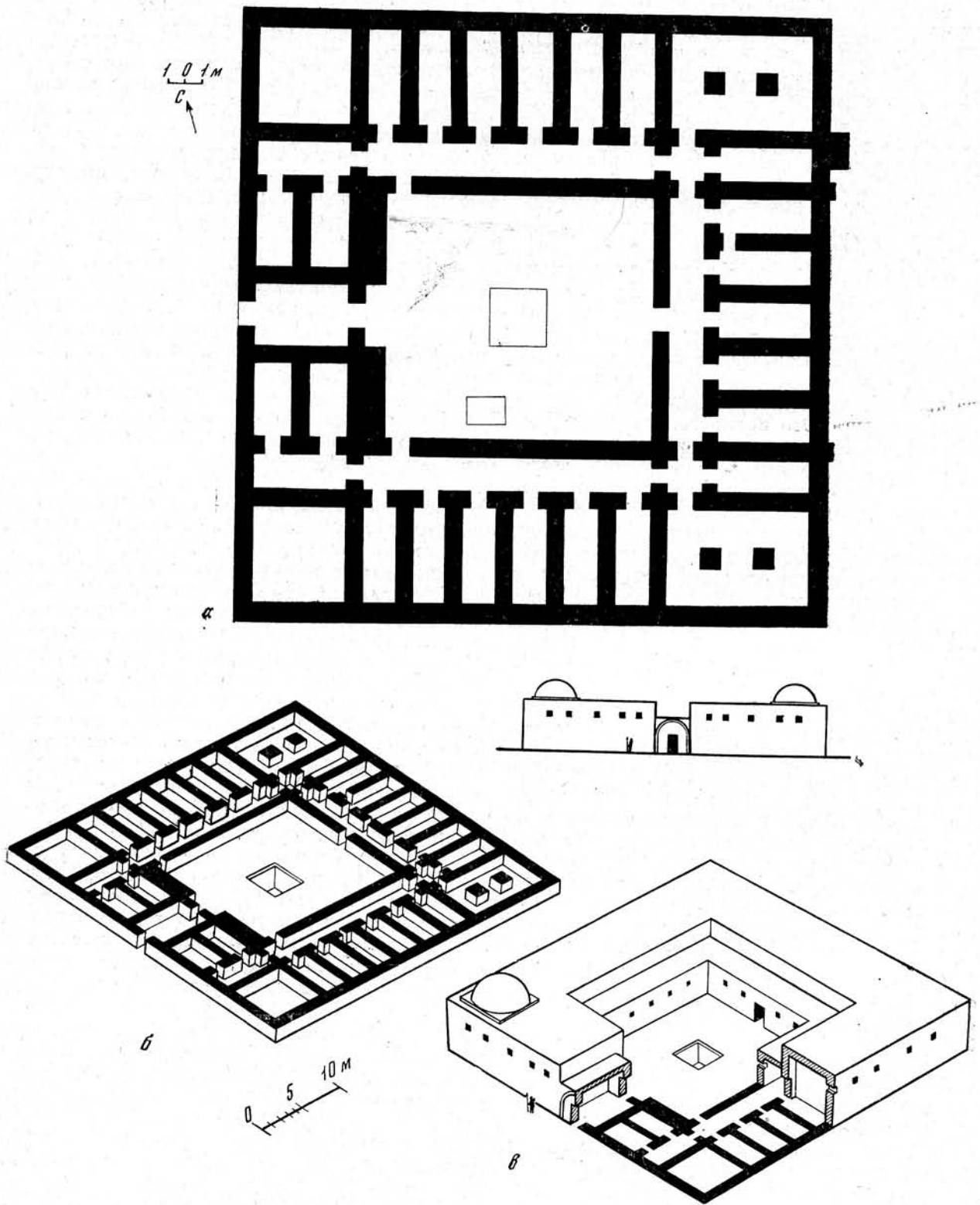

Рис. 60. Алтын-10. Объект II. Общий план раскопок (а), аксонометрия (б), реконструкция (в)

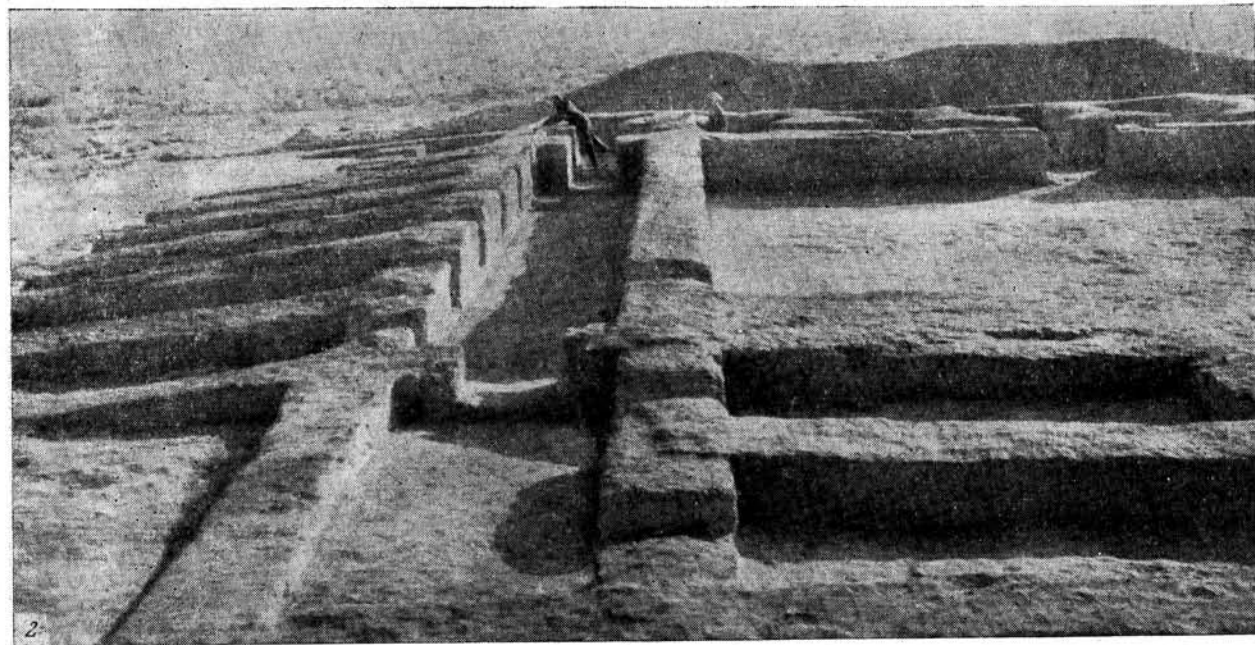
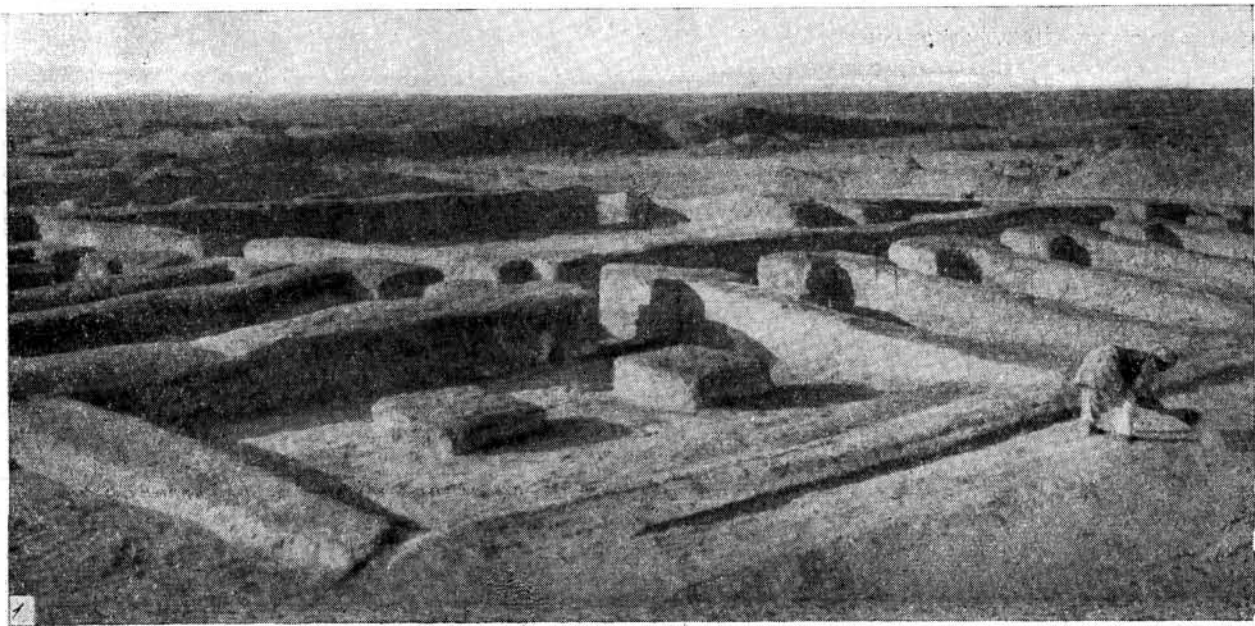

Рис. 61. Алтын-10. Объект II. Общий вид (1), детали раскопа (2)

меньших размеров. К сожалению, сохранность стен западной части настолько плоха, что входы в оба эти помещения с точностью не установлены. Однако ряд косвенных наблюдений дает право предполагать проходы, некогда соединявшие помещения 15 и 23 с прилегающими коридорами. В этом смысле показательны бесспорные проходы, расширенные в помещениях 8 и 30, ведущих в обводной коридор.

Между угловыми комнатами располагаются длинные узкие помещения, входы которых ведут соответственно в северный, восточный и южный обводные коридоры. Вдоль северного и южного фаса располагается по шесть таких узких помещений, по восточному — семь. Если общая планировка вдоль упомянутых трех сторон комплекса поразительно однообразна, то оформление западного фаса отлично. Здесь в середине внешней стены имеется вход, ведущий в вестибюль 19 и затем во внутренний двор. По обе стороны от вестибюля распола-

гаются по три взаимосвязанных узких помещения (16, 17, 18, и 20, 21, 22), возможно, сообщавшихся общими проходами с угловыми помещениями 15 и 23.

Как уже отмечалось, все помещения исследуемого памятника имеют проходы, ведущие в обводной коридор, который в свою очередь охватывает с трех сторон обширный внутренний двор. Обводной коридор соединяется с внутренним двором тремя проходами, один из которых расположен в центре восточного коридора, а два других — в западных углах северного и южного коридора. Строго в центре внутреннего двора устроено квадратной формы углубление размером 3,5×3,5 м, скорее всего бассейн; около южного коридора имеется второе прямоугольное углубление, но, по-видимому, несколько более позднего времени. Здание было сложено из квадратного сырцового кирпича размером 43(42) × 43(42) × 12(13) см.

Все помещения, исключая дворы, внутри имеют алебастровую обмазку разной степени сохранности, причем в угловом помещении 30 отмечаются два слоя такой обмазки. Техника нанесения обмазки такова, что на кирпичную плоскость нанесена сначала глиняная штукатурка толщиной до 1,5 см, поверх которой уже идет белая алебастровая обмазка до 2 мм толщиной. Затем на эту алебастровую плоскость опять нанесена глиняная штукатурка и поверх нее снова идет алебастровое покрытие. В ряде помещений такие ремонтные обмазки делались до трех раз.

В системе раскопанного здания выделяется угловое помещение 8, культурное наполнение которого резко отлично от всех остальных. Здесь на самом полу идет слой золы толщиной до 8—10 см, а прилегающая часть стены поверх алебастровой обмазки сильно закопчена. Выше, до самой дневной поверхности, обнаружен сплошной завал глиняных «кесонов» или «алтарей», представляющих собой квадратные в основании (32×32 см) трехступенчатые пирамидки, изготовленные из тонкоотмученной глины с примесью самана; поверхность их сплошь покрыта тонким слоем белого алебастра.

В общем виде исследуемое сооружение реконструируется как небольшое здание, организующим центром которого является внутренний двор с бассейном. Анфилада поразительно однотипных помещений, идущих вдоль всех трех сторон, ограничена со стороны двора обводным коридором. Свет в эти помещения попадал со стороны внешней стены, где могли быть устроены окна; обводной коридор мог освещаться световыми люками со стороны двора. Вход, располагавшийся с восточного фасада, имел по обе стороны предвратные комнаты; уг-

ловые помещения этого же фасада без опорных столбов могли иметь купольные перекрытия. В целом по аналогии с рядом расположенных летних резиденций это были здания типа зимнего дворца, где пребывал местный правитель небольшого укрепленного городка Алтын-1, расположенного в 2 км к югу от Алтын-10. Преимущественно светское назначение комплекса на Алтын-10 не исключает и культового аспекта, когда отдельные помещения могли использоваться в качестве домашних святилищ, косвенным свидетельством чему могут являться ступенчатые «алтарики».

Касаясь найденного материала, следует отметить, что находки крайне бедны и ограничиваются исключительно керамикой, преимущественно изготовленной на гончарном круге. Вся керамика хорошего качества, глина красная, плотная, белый или светло-зеленый ангоб обычно нанесен на внешнюю часть сосудов. Основные формы: цилиндрические хумы с уплощенными венчиками и подкошенной придонной частью, сосуды средних размеров с отогнутыми венчиками, мелкие чашки и миски. Вместе с тем показательно почти полное отсутствие цилиндроконических банок, этой наиболее типичной и распространенной формы посуды ахеменидского времени.

От следующего сооружения (объект III), расположенного в нескольких метрах к югу от объекта I, сохранились лишь следы трех обширных помещений; остальная часть полностью развеевна процессами дефляции. Наконец, к западу от объекта II находилось еще какое-то сооружение, от которого сохранились лишь фрагменты стен в виде чрезвычайно длинной стены, от которой в обе стороны отходят короткие поперечные стеночки.

Как видно, в пункте Алтын-10 находился комплекс особых по назначению сооружений, занимающих определенное место в развитии монументальной архитектуры Передней Азии. Если сравнить общую планировку объекта II Алтын-10 с дворцово-культовым сооружением Дацлы-3, то нетрудно отметить вполне очевидные линии связей. В первую очередь это проявляется в самом планировочном принципе, когда организующим центром является почти квадратный двор, сообщаемый проходами с обводным коридором. Роднит их и строгая симметрия общего плана, построенная на пересечении прямых линий с четко выдержанными пропорциями. Вместе с тем налицо и повсюду, отражающиеся в полном отказе от пилястр как декоративного элемента — на Алтын-10 ровные плоскости стен становятся господствующими в общей композиции здания. Ритм и симметрия — вот что теперь становится характерным для бактрийского зодчества.

Еще больше новшеств демонстрирует летний дворец с Алтын-10, что проявляется как в плане, так и в устройстве колоннадных портиков-айванов. Но и здесь все еще живо чувствуются свои, глубоко местные традиции бактрийского зодчества, что наглядно видно на примере оформления интерьеров ряда комнат фигурными нишами, прямо напоминающими аналогичные приемы декорировки особых помещений зданий Дашлы-3.

Установленный факт почти тысячелетней преемственности в развитии монументальной архитектуры Бактрии не следует рассматривать как локальное явление. Напротив, в середине I тысячелетия до н. э. архитектура Бактрии демонстрирует все большую близость с сооружениями ахеменидского Ирана и в первую очередь с монументальными зданиями Дахани-Гуламан в Иранском Сеистане.

Как установили раскопки, здесь в древней Дрангиане на краю города (предположительно Зарин ахеменидских надписей) располагался комплекс сооружения, как считают, религиозного, социального и гражданского назначения⁵⁰.

Если сопоставить между собой соответствующие архитектурные комплексы Дахани-Гуламан и Алтын-10, то нетрудно отметить определенную переключку в планировке отдельных зданий. В этом отношении особенно показательно «священное» здание (объект III), почти квадратное в плане (53, 20 × 54, 30 м), с единственным входом в середине южного фаса. Центр здания занимает обширный двор, окаймленный с четырех сторон колоннадным портиком; по углам располагается по одному обширному квадратному помещению. В центре двора находятся три прямоугольной формы «алтари», вытянутые цепочкой и как бы разделяющие двор на две равные половины. Сами «алтари» сложены из кирпичей, внутри полые, со следами воздействия пламени.

Руководитель раскопок У. Ширатто, основываясь на наличии трех алтарей (триада Ахура-Мазда — Митра — Анахита), склонен рассматривать все здание как храм огня, отмечая вместе с тем, что подобного рода здания неизвестны ни раньше, ни позже на территории Ирана⁵¹.

В свою очередь К. Шиппман, оговаривая уникальность этого здания, предлагает три варианта решения: 1) это не храм огня; 2) храм огня, но не зороастрийский; 3) наряду с

культом огня могли существовать и другие культы⁵².

Независимо от подлинного назначения отметим общую близость планировочных решений здания 3 Дахани-Гуламан и объекта-I с Алтын-Теле. В обоих случаях налицо обширные дворы с колоннадными портиками и угловыми помещениями и разделение двора на две части: в Дахани-Гуламан — алтарями, на Алтын-10 — поперечным сооружением, состоящим из комнат и платформы. Наряду со сходными признаками имеются и отличия, что особенно четко видно на примере усложненного плана Дахани-Гуламан⁵³.

Среди других сооружений Дахани-Гуламан наибольший интерес представляет здание 15, публикация которого пока отсутствует, но имеется схематический план. Судя по всему, это было почти квадратное здание размером 50 × 50 м. В центре его находился обширный двор, образованный симметрично расположенными, очень узкими помещениями, по семь с каждой стороны; наконец, по всем четырем углам располагалось по одному угловому помещению. Хотя и в упрощенном виде, но планировка здания 15 достаточно близко, вплоть до количества помещений, выходящих в центральный двор⁵⁴, перекликается с объектом II на Алтын-10. Это сходство усиливается находкой в другом здании (дом 6) трехступенчатого алтаря, с точностью копирующего вышеописанные алтари или кесоны из помещения 8 объекта II с Алтын-10. Небольшое отличие заключается лишь в углублении на верхней плоскости сеистанского экземпляра. Не исключено, что и в Бактрии подобные изделия являлись не архитектурными кесонами, а небольшими алтарями, которые применительно к объекту II могли быть перенесены из других помещений и свалены в кучу в комнате 8.

Как бы то ни было, налицо очевидная переключка сооружений особого назначения Бактрии и Дрангианы. Вместе с тем нет никаких оснований усматривать прямую связь между этими конкретными комплексами. В самом деле, уже отмечена определенная планиметрическая переключка здания 3 с Дахани-Гуламан и ахеменидскими сооружениями Фарса и в особенности Персеполя⁵⁵. Ападана Дария в Персеполе, так же как акрополь в Сузах (с обширными колоннадными дворами и особенно угловыми

⁵² Schippman K. Die Iranischen Feuerheiligtümer. Berlin, 1971, S. 55.

⁵³ Кстати, отметим, что хорошая сохранность колонн позволила установить арочные перекрытия портика здания 3 (Scerrato U. Excavations..., fig. 11), что дает основание предполагать существование аналогичной конструкции для колонн объекта 1 на Алтын-10.

⁵⁴ Scerrato U. Excavations..., fig. 2.

⁵⁵ Там же.

⁵⁰ Scerrato U. Excavations at Dahan-i-Ghulaman (Seistan-Iran), First Preliminary Report (1962—1963).— «East and West», 1966, v. 16, N 1—2, p. 9—30.

⁵¹ Scerrato U. Excavations..., p. 16—17.

залами), близко напоминает планировочные решения как Дрангианы, так и Бактрии⁵⁶. Как видно, налицо достаточно широкое распространение в целом однотипных зданий «официального» назначения, что в первую очередь связано с входжением Дрангианы и Бактрии в состав Ахеменидского государства.

Конечно, периферийные здания далеко уступали по всем другим параметрам столичному Персеполю, но их планировочная близость выделяет их в однопорядковые по своей значимости сооружения «официального» назначения. При всем том, истоки ахеменидского зодчества уходят в глубокую древность, к памятникам типа дворца Дашлы-3 и другим, еще неоткрытым, но подобным сооружениям, в том числе и на территории древнего Ирана. Все сказанное не исключает, а, наоборот, предполагает местные, региональные традиции, что применительно к Бактрии документируется существованием круглых зданий типа Кутлуг-Тепе и оформлением интерьеров фигурными нишами (например, летнего дворца с Алтын-10). Существовали свои локальные традиции и в других регионах, в частности в Иранском Сеистане, что подтверждается наличием сводчатых перекрытий в Дахани-Гуламан⁵⁷.

Но бесспорно, особого значения заслуживает (независимо от уточнения их назначения) общественно-социальный аспект подобных соору-

жений. Расположенные далеко от Персеполя, на окраине ахеменидской империи, комплексы сооружений типа Дахани-Гуламан и Алтын-10 открывают новую главу в истории изучения периферийных сатрапий. И недаром У. Ширатто предлагает идентифицировать город с исследованным комплексом с Зарином, упоминаемым в письменных источниках.

Очевидно, что политическим и административным центром являлся комплекс сооружений на Алтын-10, который вместе с рядом расположенным укрепленным городком Алтын-1 составлял центр всего Алтынского оазиса ахеменидского периода. Именно на это время падает наивысший расцвет, когда здесь возникают все новые поселения, как правило неукрепленные. Наряду с небольшими имеются огромные поселения, простирающиеся на многие сотни метров, а в ряде случаев — и на несколько километров, сохранившиеся к настоящему времени в виде россыпей керамики на такырах с центральными буграми. Часть их, по-видимому, имела узкоспециализированное назначение, как, например, Алтын-3, где прямо на дневной поверхности прослеживаются остатки свыше 25 округлых в плане керамических печей и рядом — отвалы от гончарного производства.

На фоне этих рядовых памятников резко выделяется небольшое, но максимально укрепленное поселение Алтын-1 с высокой, на платформе, цитаделью и оборонительной стеной, усиленной башнями. Шурф у основания цитадели установил, что площадь внутри оборонительных стен практически не содержит культурного слоя, так что обжитой частью являлась лишь цитадель — резиденция местного владельца. Все приведенные наблюдения выделяют Алтын-1 и Алтын-10 в административно-политический центр всего оазиса.

⁵⁶ У. Ширатто усматривает близость здания 3 с Персеполем, а не с Пасаргадами в первую очередь из-за квадратного, а не прямоугольного общего плана, однако в Алтын-10 имеются оба типа сооружений.

⁵⁷ Scerrato U. Excavations... p. 16. В настоящее время ложносводчатые перекрытия (по крайней мере узких коридоров) известны для мидийского времени (Нуши-Джав) и эпохи бронзы (дворец Дашлы-3).